

УДК 911.3

А. Г. Дружинин

Евразийство Л. Н. Гумилёва: магистральные идеи и потенциал их современной аппликации

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону; Институт географии РАН, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу вклада Л. Н. Гумилёва в развитие и популяризацию евразийских идей, а также обоснованию потенциала и приоритетных направлений аппликации интеллектуального наследия Л. Н. Гумилёва в геополитическом и геоэкономическом контексте современной Евразии. Акцентированы важнейшие постулаты евразийства и степень их созвучности взглядам Л. Н. Гумилёва. Обоснована возможность и необходимость дальнейшей коррекции и развития евразийского учения с учётом присущих началу XXI столетия глобальных изменений.*

Ключевые слова: *евразийство, научное наследие, Л. Н. Гумилёв, Россия, Евразия, геополитика.*

Введение

Противоречивые, всё ещё не до конца осмысленные реалии третьего десятилетия XXI века [18, 22] вновь и вновь выводят на авансцену идеологию евразийства, инициируют их активное обсуждение [39, 41], требуют их дальнейшего осмысления [15], коррекции, адаптации. В устойчиво меняющемся позиционировании России в Евразии [14, 29] при этом особым образом актуализируются, обретают, пожалуй, ещё большую чем ранее значимость труды нашего выдающегося Учителя и коллеги Л. Н. Гумилёва (чей 110-летний юбилей со дня рождения приходится именно на текущий 2022 год), его геоисторические, этнологические и геокультурные воззрения и подходы. Цель статьи – акцентировать динамические, эволюционные аспекты евразийства как интеллектуальной, мировоззренческой конструкции и, одновременно, общественно-политической доктрины, оценить вклад Льва Николаевича в развитие «евразийской идеи», высветить потенциал и приоритетные направления аппликации интеллектуального наследия Л. Н. Гумилёва в геополитическом и геоэкономическом контексте современной Евразии.

Материалы и методы

Объектом исследования выступила совокупность «евразийских» идей, подходов и представлений Л. Н. Гумилёва, изложенных, прежде всего, в наиболее обобщающих, фундаментальных его монографиях, изданных в конце 1980-х – начале 1990-х годов [7, 8, 10, 11]. Отправной базой предпринятого в статье науковедческого анализа выступили также труды основоположников классического евразийства (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и др.), а также публикации, напрямую посвящённые оценке роли Л. Н. Гумилёва в формировании системных представлений о Евразии [1, 12, 25, 26, 34], его вкладу в развитие

евразийства. В числе основных методов исследования – науковедческий анализ и компаративистика. При формировании презентуемой концепции автор опирался на потенциал динамического (эволюционного) подхода.

Результаты и обсуждение

Был ли Л. Н. Гумилёв абсолютным и последовательным приверженцем евразийского учения? Для тех, кто знаком с многочисленными научными и научно-популярными публикациями нашего выдающегося коллеги, этот вопрос покажется, скорее всего, либо сугубо риторическим, либо заведомо неуместным, а в чём-то и провокативным. Ведь свою приверженность идеям, впервые озвученным в первой половине 1920-х гг. Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, Г. В. Вернадским и другими основоположниками классического евразийства напрямую непосредственно высказывал сам Лев Николаевич (именуя себя «последним евразийцем» [25]). Созвучность, и даже имманентность базовых воззрений и взглядов Л. Н. Гумилёва евразийству, помимо этого, многократно констатировалась как в обобщающих обзорных публикациях, посвящённых онтологии российской геополитической и историософской мысли [3, 4, 16, 19, 37, 40], так и в узко сфокусированных на творчестве и научном наследии Льва Николаевича [26, 28, 33] работах российских и зарубежных авторов. И для идентификации научного наследия Л. Н. Гумилёва в качестве неотъемлемой и значимой составляющей «евразийства», действительно, имеется целый ряд веских оснований.

Столетие назад основоположники евразийства, всячески подчёркивая многообразие и (что ещё важнее!) равнозначность существующих в мире культур, фокусировали внимание на наличии особого пространственного (страноведческого) объекта — «России-Евразии», или «евразийского мира» [20], протянувшегося (согласно культивируемым первыми «евразийцами» представлениям) от западных рубежей Российской Империи до Великой китайской стены [31]. Схожей позиции придерживался впоследствии (фактически – через два поколения) и Лев Николаевич, неизменно рассматривавший историю человечества и его культуру как мозаичную целостность, полагавший (в русле идей Н.С. Трубецкого [30]), что космополитизм являет собой разновидность шовинизма и никакая «общечеловеческая культура», одинаковая для всех народов, невозможна, а сам по себе европоцентризм – явление бедственное, а иногда даже гибельное [11].

Прорисовывая пространственный контур «Евразии», характеризуя её этнокультурную специфику, Л.Н. Гумилёв, как и его предшественники – классики евразийства, опирался на подходы географического детерминизма, считая, что уникальное сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, предопределяет его своеобразие — поведенческое и во многом даже культурное [11]. Последовательно поддерживал и развивал он и ещё один крайне важный, фундаментальный содержательный аспект евразийского учения: понимание (и признание) особой роли тюркской, туранской составляющей в российской (и, соответственно, евразийской) истории (согласно П.Н. Савицкому без «без «татарщины» не было бы России» [20, с. 342]). Своими многочисленными яркими и увлекательными книгами о степных народах и их роли в евразийской этнокультурной динамике [5 и др.] Лев Николаевич внёс мощный,

беспрецедентный вклад в отечественное тюрковедение, всячески отстаивая и обосновывая русско-тюркское единство не только как условие целостности Евразии (эту позицию сейчас симптоматично однозначно разделяют и развивают ведущие представители татарской интеллектуальной элиты [35]), но и фактическую альтернативу «отрыва» от России основных компактных ареалов расселения тюркских народов и, тем самым, ещё большей её изоляции и, одновременно, «привязки» к Западу в качестве его геополитической и геоэкономической периферии.

Де-факто в целом пролонгируя «евразийскую» интеллектуальную традицию, Л. Н. Гумилёв, тем не менее, культивировал собственное мировосприятие, формулировал оригинальные исследовательские задачи, предлагал иные (подчас отличные от классиков евразийства) способы и пути их решения.

Полагая, что в классических евразийских текстах ощущался дефицит естествознания [11], и стремясь объединить историю, географию и природоведение, Лев Николаевич, в частности, ввёл в научный оборот категории «этносфера» и «вмещающий ландшафт», делая, при этом, акцент на биосоциальной сущности этносов, на особой роли в их зарождении и развитии энергии живого вещества, трансформируемой в свойство, обозначенное им как «пассионарность».

В его трудах (в сопоставлении с «евразийскими» текстами 1920-х годов) рельефнее, мощнее акцентирована и роль «фактора времени», впервые высвечена этническая ритмика, цикличность и, на этой основе, акцентирована темпоральная необратимость, дискретность этногенеза, уникальность, неповторимость этнических взаимодействий и характеристик в ситуации «здесь и сейчас».

Определяя каждую конкретную этническую целостность как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы соответствующего им ландшафта, культурную традицию, а также взаимосвязи с соседями [8], Л. Н. Гумилёв, тем самым, подспудно существенно расширил и сами предметные рамки аппликации «евразийских» мировоззренческих подходов, и собственно рубежи очерчиваемого понятием «Евразия» пространства. География России оказалась, в этой связи, заведомо «усечённой», неполной вне учёта её пролонгированной ретроспективы (российской геоистории, нашего геоисторического наследия, и в территориальном, и во временном отношениях существенно выходящего за пределы не только современной Российской Федерации, но и СССР, Российской Империи), а также взаимодействий (в том числе в их пространственном аспекте) со значимыми для российского этногенеза евразийскими соседями. История же нашей страны (по версии Л. Н. Гумилёва) обрела недостающую ей ранее полиэтничность, стала неотделимой от всей пространственно-временной динамики Евразии. Но она же в предлагаемой Львом Николаевичем логике (в отличие от видения Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, равно как и их сподвижников) – оказалась, одновременно, лимитированной во времени, в том числе и для любого отдельно взятого этнического образования (и сопряжённых с ним пространственных структур), то есть «конечной».

Презентуя, реконструируя геоэтноисторию России – Евразии как особую, специфическую составляющую планетарной пространственно-временной социально-экономической и этнокультурной динамики и действуя, в этой связи, в предметно-концептуальных рамках евразийства, Л. Н. Гумилёв, позиционировал себя в существенно большей мере как скрупулёзный исследователь (этнолог, историк, географ), а не адепт определённой «идеологии», сторонник конкретного

«политического движения» (что было присуще именно «классическому евразийству»), равно как и его последующим инвариантам с приставкой «нео-»). Это, равно как и выше перечисленные обстоятельства – послужили основанием для проскальзывающего в современной литературе (и явно не превалирующего в общем потоке публикаций по историографии евразийских идей) отрицания причастности Л. Н. Гумилёва к «евразийству» [27]. Симптоматично также, что о самом «евразийстве» и своей приверженности данному интеллектуальному течению Лев Николаевич впервые стал публично высказываться лишь в конце 1980-х [25], т.е. более чем четверть века спустя после написания своих первых посвящённых степным этносам и культурам Евразии работ. Открыто обозначив позицию, он, кстати, тем самым по образному выражению С. Б. Лаврова «вступил на минное поле геополитики» [26], поставив и себя, и свои базовые идеи под шквал жёсткой, бескомпромиссной, подчас предвзятой критики, чья интенсивность сохраняется уже многие годы [23, 32, 36].

Действуя, в итоге, на едином с классиками евразийства предметно-содержательном поле, Лев Николаевич отчасти воспроизводил их идеологемы, отчасти видоизменял, дополнял, формировал собственную исследовательскую повестку, продуцировал оригинальные научные подходы, концепты, не без основания полагая, что «каждая наука требует развития» [6, с.56]). Решая все эти многоаспектные интеллектуальные задачи, он, действительно, в существенной мере вышел за очерченные в 1920-х гг. содержательные рамки «классического» евразийского учения, наметив, обосновав, одновременно, его новые грани. Будучи по целому ряду позиций формально содержательно дистанцированным от базовых евразийских текстов, творчество Льва Николаевича не только наполняло концепт «Евразии» эмпирико-фактологической фактурой, не только приносило столь необходимые евразийству естественнонаучные и динамические подходы, но и способствовало расширению, углублению представлений о факторах, особенностях и форматах эволюции евразийского пространства, роли и перспективах в нём России. Более того, во-многом именно благодаря «феномену Л. Н. Гумилёва» евразийство с конца 1980-х гг. не только широко и прочно укоренилось в российском общественном сознании, стало одним из содержательных оснований и драйверов его столь необходимой последующей геополитизации, но и обрело гибкие, адаптивные черты, продемонстрировало крайне значимый в современной глобальной динамике потенциал саморазвития. И подобного рода (отчасти предопределённая и, одновременно, наглядно проиллюстрированная творчеством Льва Николаевича) способность видоизменяться (при сохранении обрётённого столетием ранее содержательного стержня) – оказалась для «евразийства» в стремительных и масштабных метаморфозах первых десятилетий XXI века – критически значима, стала условием его самосохранения, социальной востребованности, в том числе и в грядущей перспективе.

Как это подмечали ещё классики евразийства, а впоследствии наглядно показал и Л. Н. Гумилёв, «месторазвития» («вмещающие ландшафты») формируют и «форматируют» соответствующие им этносы. Но этносы (как многократно подчёркивал Лев Николаевич), сами (причём достаточно существенно) трансформируются в процессе прохождения жизненной траектории, видоизменяя в том числе и свой ключевой (согласно Л. Н. Гумилёву) идентификационный признак – стереотип поведения. Влияет ли это на их

«месторазвитие»? По сути, логике общественно-географической динамики, безусловно да! И в этой связи понимание географического контура сердцевинной в картине мира апологетов евразийства пространственной структуры («Евразия») ныне должно быть, вне сомнения, несколько иным, чем тридцать и, тем более, сто лет назад. Как это уже ранее вполне справедливо озвучено [21], абсолютной, извечной, неизменной «Евразии» (как обособленной по этнокультурным, геополитическим и иным признакам части единого евразийского материка) быть не может. Фиксируя современные метаморфозы, автор уже имел возможность констатировать нарастающую многополюсность Евразии, равно как и лишь внешне противоречивый процесс её пространственного «сжатия» при одновременном же «расширении» [13]. Совсем не случайным, симптоматичным, видится, в этой связи, и инициированное «посткрымскими» реалиями стремление ведущих российских политологов, экономистов и географов провозгласить, обосновать «большое» евразийское партнёрство, очертить контур некой «Большой Евразии» [24].

Полномасштабное включение Л. Н. Гумилёвым в анализ евразийских реалий этнологических и темпоральных подходов позволило не только высветить и обосновать примерный «возраст» русского этноса (что, одновременно, инициировало разброс мнений о его текущем состоянии и вероятностной перспективе - с вариацией диагностических оценок от констатации уже казалось бы наступившей в 1990-е годы «обскурации» [26], до некой предвкушаемой «золотой осени» [11], ожидаемой вслед за стадией этногенеза, именуемой Львом Николаевичем как «надлом»), но и, как видится, латентно обозначить всё более актуализируемую (по мере фактического, чётко проявляющегося весь постсоветский период ослабления демографического, экономического и культурного «присутствия» России в Евразии) проблему витальности русского этноса. Современный нам интеллектуальный контекст постмодерна предполагает, при этом, не только пролонгацию предложенного Л. Н. Гумилёвым понимания биологической природы этногенеза, но и новой «социологизации» этнологических подходов, включая осмысление возможностей социального программирования «этнического долголетия», в том числе и применительно к русскому народу, России, особенностям евразийского пространства. Задачи эти, полагаю, должны решаться в рамках особого междисциплинарного исследовательского направления – этнической геронтологии, чья проблематика, вне сомнения, имеет и обширную общественно-географическую составляющую (потенциал «вмещающей» этнос территории, реализация факторов соседства и др.).

Иной, не менее важный аспект аппликации «евразийских» идей Льва Николаевича видится в одновременном целенаправленном выстраивании взаимодействий русского этноса, России с другими системно значимыми государствами и этносами Евразии, конструировании своего рода многовекторной «евразийской комплементарности» (осмысливая хитросплетения исторических событий, Л. Н. Гумилёв настойчиво и очень верно предлагал «искать друзей, а не врагов» [11]).

Учёт «фактора времени» в этногенезе актуализирует и проблематику сохранения русской культуры, её транзита, воспроизводства на новом цикле, витке евразийской геоистории (в логике идей Л. Н. Гумилёва предопределяемом уже «жизненной силой» иного, отличного от русского народа этнического

образования, способного оказаться нашим этносом-потомком, этносом-наследником). Саму «Евразию» (в её понимании как классиками евразийства, так и, далее, непосредственно Львом Николаевичем), подчеркну, целесообразно, при этом, осмысливать, воспринимать не столько как некий «естественный», оконтуренный неизменными природными рубежами объект, сколько как «вещественно-невещественный» геокультурный феномен, специфический способ и итог передачи (на каждом конкретном временном этапе) этнокультурной эстафеты. Само же географическое бытие «Евразии», в этой связи, оказывается напрямую связанным с «жизнью» доминирующего в Евразии этноса (или суперэтноса), его «долголетием», равно как и успешностью (включая такие её параметры как своевременность, полнота, пространственный ареал) доминантного для воспроизводства евразийской целостности этнокультурного (и геополитического) транзита, устойчивостью и энергетическим потенциалом (уровнем пассионарности) грядущего «этноса-наследника».

Выводы

В стремительно меняющемся мире оставаться подлинными приверженцем той или иной фундаментальной научной либо общественно-политической доктрины можно лишь творчески развивая её, адаптируя к новым реалиям и, соответственно, корректируя, дополняя, видоизменяя. Сказанное полностью относится и к евразийству. Следуя духу и логике его родоначальников, чтобы продолжать являть собой актуальную, позитивную широко востребованную идеологическую программу, оно может и должно перманентно «донастраиваться», прирастать содержательными инновациями, обретая новые смыслы и грани.

Высвечивая своими многочисленными фундаментальными и по-настоящему увлекательными трудами сложную, перманентно меняющуюся геоисторическую палитру Евразии, Лев Николаевич Гумилёв, развивал и популяризировал евразийские идеи, действуя подчас вне очерченного их основоположниками интеллектуально-предметного поля, в ряде случаев предлагая, используя иной категориальный аппарат, озвучивая не всегда полностью тождественные «классическому евразийству» положения и выводы. Но в том числе этим, в огромной мере именно этим, полагаю, по-настоящему ценен и значим его вклад в евразийское учение, продолжающее и в текущем XXI столетии оставаться ведущей для нашей страны общественно-политической доктриной.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Литература

1. Беляков С. С. Евразийство Л. Н. Гумилёва // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 14-22.
2. Бордачёв Т. Биполярность или баланс? // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 70-82.

3. Гарлик А. И. Идеи евразийства в контексте современного развития России. Улан-Удэ, 2000. 364 с.
4. Горяев А. Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2001. 160 с.
5. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.
6. Гумилёв Л. Н. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: Изд-во ГО СССР. 1984. С. 51-62.
7. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
8. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
9. Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3.
10. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. 272 с.
11. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). 606с.
12. Дружинин А.Г. Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л.Н. Гумилёва // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Специальный выпуск. К 100-летию Л.Н. Гумилёва. 2012. С. 51-57
13. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25-36
14. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Таганрог. 2020 . 268 с.
15. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону. Таганрог. 2021. 270 с.
16. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002. 144 с.
17. Ерасов Б. С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С.87-96.
18. Естафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С.58-68.
19. Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишкин М. Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул. Изд-во АГАУ. 2007. 243 с.
20. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы». 1921. 135 с.
21. Каганский В. Л. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России. Статья первая. Евразийство как позиция // Общественные науки и современность, 2003, № 4. С. 48-61.
22. Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики // Россия в глобальной политике. 2020. № 3, с.170-182.
23. Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1992, №4. С. 228-246.
24. Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии /под ред. В. М. Котлякова и В. А.

- Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс». 2019. С. 357-372.
25. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
26. Лавров С. Б. Л. Н. Гумилёв и евразийство // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). С.5-11.
27. Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002. С. 136-161.
28. Пилясов А. Н. Разделённые полувеком: интеллектуальное влияние В. И. Вернадского на Л. Н. Гумилёва // Вопросы философии. 2014. №12. С. 92-102.
29. Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Дмитрий Тренин. М.: Альпина Пабlishер, 2021. 471 с.
30. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. Российско-болгарское книгоиздательство. София. 1920. 82 с.
31. Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Часть первое. Евразийское книгоиздательство. 1927. С.234-264.
32. Фишман Л. Г. Лев Гумилёв как зеркало морального перелома // Дискурс-Пи. 2019. № 4 (37). С. 49-60.
33. Чистобаев А. И. Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л.Н. Гумилева и 50-летию К. П. Иванова). СПб: НИИХимии. СПбГУ, 2002. 134 с.
34. Чистобаев А. И. Этногенез в России (к 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. 2012. Вып. 4. С. 79-86.
35. Хакимов Р.С. Евразия: история будущего (отрывки) // Научный Татарстан. 2011. № 1. С.15-31.
36. Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М. Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. 312 с.
37. Karlov, V. V. (1998) Anthropology and Archeology of Eurasia. The idea of Eurasianism and Russian nationalism. 36(4), с. 32-50.
38. Mazurek, S. (2002) Russian Eurasianism - Historiosophy and ideology. Studies in East European Thought. 54 (1-2), с. 105-123.
39. O'Loughlin, J. (2001) Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era. Geopolitics. 6(3), с. 17-48.
40. Shlapentokh, D. V. (1997) Eurasianism: Past and present. Communist and Post-Communist Studies. 30(2), с. 129-151.
41. Smith, G. (1999) The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism. Transactions of the Institute of British Geographers. 24(4), с. 481-494.

A. Druzhinin

Eurasianism of L. N. Gumilyov: the main ideas and the potential of their modern application

---

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; Institute of Geography RAS, Moscow, Russian Federation
e-mail: alexdru9@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of L.N. Gumilev's contribution to the development and popularization of Eurasian ideas, as well as the substantiation of the potential and priority directions of the application of L.N. Gumilev's intellectual heritage in the geopolitical and geo-economic context of modern Eurasia. The most important postulates of Eurasianism and the degree of their consonance with L.G. Gumilev's views are emphasized. The possibility and necessity of further correction and development of the Eurasian doctrine is substantiated, taking into account the global changes inherent in the beginning of the XXI century.*

Keywords: *Eurasianism, scientific heritage, L.N. Gumilev, Russia, Eurasia, geopolitics*

References

1. Belyakov S. S. Evrazijstvo L. N. Gumilyova // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2009. № 4 (25). S. 14-22. (in Russian)
2. Bordachyov T. Bipolyarnost' ili balans? // Rossiya v global'noj politike. 2020. № 4. S.70-82. (in Russian)
3. Garlik A. I. Idei evrazijstva v kontekste sovremennogo razvitiya Rossii. Ulan-Ude, 2000. 364 s. (in Russian)
4. Goryaev A. T. Evrazijstvo: «nauchnyj zamysel» i prakticheskie realii. M.: Rossijskij un-t druzhby narodov, 2001. 160 s. (in Russian)
5. Gumilyov L. N. Drevnie tyurki / AN SSSR. In-t narodov Azii. M.: Nauka, 1967. 504 s. (in Russian)
6. Gumilyov L. N. Gumanitarnye i estestvennonauchnye aspekty istoricheskoy geografii // Ekonomicheskaya i social'naya geografiya: problemy i perspektivy. L.: Izd-vo GO SSSR. 1984. S. 51-62. (in Russian)
7. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'. M.: Mysl', 1989. 497 s. (in Russian)
8. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli. L.: LGU, 1989. 286 s. (in Russian)
9. Gumilev L. N. Zametki poslednego evrazijca // Nashe nasledie. 1991. № 3. (in Russian)
10. Gumilev L. N. Ot Rusi do Rossii: Ocherki etnicheskoy istorii. SPb: YUna, 1992. 272 s. (in Russian)
11. Gumilev L. N. Ritmy Evrazii: Epohi i civilizacii / L. N. Gumilev. SPb. : Kristall; M. : Oniks, 2003 (GPP Pech. Dvor). 606 s. (in Russian)
12. Druzhinin A.G. Prostranstvennoe social'no-ekonomicheskoe razvitie sovremennoj Rossii skvoz' prizmu nauchnyh idej L.N. Gumilyova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosuniversiteta. Special'nyj vypusk. K 100-letiyu L.N. Gumilyova. 2012. S. 51 – 57. (in Russian)
13. Druzhinin A. G. Novaya konceptualizaciya Evrazii: vzglyad geografa-obshchestvoveda // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov. 2013. № 2. S. 25 – 36. (in Russian)
14. Druzhinin A. G. Evrazijskie priority Rossii (vzglyad geografa-obshchestvoveda). Rostov-na-Donu. Taganrog. 2020. 268 s. (in Russian)
15. Druzhinin A. G. Idei klassicheskogo evrazijstva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskij analiz. Rostov-na-Donu. Taganrog. 2021. 270 s. (in Russian)
16. Dugin A. G. Evrazijskij put' kak nacional'naya ideya. M.: Arktogeya, 2002. 144 s. (in Russian)

17. Erasov B. S. Sociokul'turnye i geopoliticheskie principy evrazijstva // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2001. № 5. S.87-96. (in Russian)
18. Estaf'ev D., Il'nickij A. Predpolozheniya o gryadushchem mire // Rossiya v global'noj politike. 2020. № 4. S.58-68. (in Russian)
19. Ivanov A. V., Popkov YU. V., Tyugashev E. A., SHishkin M. YU. Evrazijstvo: Klyuchevye idei, cennosti, politicheskie priority. Barnaul. Izd-vo AGAU. 2007. 243 s. (in Russian)
20. Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evrazijcev. Kniga 1. Sofiya: izd-vo «Balkany». 1921. 135 s. (in Russian)
21. Kaganskij V. L. Krivda i pravda evrazijstva. Smysl i status evrazijskoj koncepcii prostranstva Rossii. Stat'ya pervaya. Evrazijstvo kak poziciya // Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2003, № 4. S. 48-61. (in Russian)
22. Karaganov S., Suslov D. Rossiya v mire posle koronavirusa: novye idei dlya vneshnej politiki // Rossiya v global'noj politike. 2020. № 3, s.170-182. (in Russian)
23. Klejn L. Gor'kie mysli «priveredlivogo recenzenta» ob uchenii L. N. Gumileva // Neva. 1992, № 4. S. 228–246. (in Russian)
24. Kotlyakov V. M., SHuper V. A. Rossiya v Bol'shoj Evrazii: zadachi na XXI vek // Rossiya v formiruyushchejsya Bol'shoj Evrazii /pod red. V. M. Kotlyakova i V. A. SHupera. Voprosy geografii. Vyp. 148. M.: Izdatel'skij dom «Kodeks». 2019. S. 357-372. (in Russian)
25. Lavrov S. B. Lev Gumilev. Sud'ba i idei. M.: Svarog i K., 2000. 156 s. (in Russian)
26. Lavrov S. B. L. N. Gumilyov i evrazijstvo // Gumilyov L.N. Ritmy Evrazii: Epohi i civilizacii. Spb. : Kristall; M.: Oniks, 2003 (GPP Pech. Dvor). S.5-11. (in Russian)
27. Lyuks L. Tretij Rim? Tretij Rejh? Tretij put'? Istoricheskie ocherki o Rossii, Germanii i Zapade. M., 2002. S. 136–161. (in Russian)
28. Pilyasov A .N. Razdelyonnye poluvekom: intellektual'noe vliyanie V. I. Vernadskogo na L. N. Gumilyova // Voprosy filosofii. 2014. № 12. S. 92-102. (in Russian)
29. Trenin D. Novyj balans sil: Rossiya v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesiya / Dmitrij Trenin. M.: Al'pina Pabliher, 2021. 471 s. (in Russian)
30. Trubeckoj N. S. Evropa i chelovechestvo. Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo. Sofiya. 1920. 82 s. (in Russian)
31. Savickij P. Geopoliticheskie zametki po russkoj istorii // Vernadskij G.V. Nachertanie russkoj istorii. CHast' pervoe. Evrazijskoe knigoizdatel'stvo. 1927. S.234-264. (in Russian)
32. Fishman L. G. Lev Gumilyov kak zerkalo moral'nogo pereloma //Diskurs-Pi. 2019. № 4 (37). S. 49-60. (in Russian)
33. CHistobaev A. I. Etnologi, operedivshie vremena (k 90-letiyu L.N. Gumileva i 50-letiyu K. P. Ivanova). SPb: NIIHimii. SPbGU, 2002. 134 s. (in Russian)
34. CHistobaev A. I. Etnogenez v Rossii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya L.N. Gumilyova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 7. 2012. Vyp. 4. S. 79-86. (in Russian)
35. Hakimov R.S. Evraziya: istoriya budushchego (otryvki) // Nauchnyj Tatarstan. 2011. № 1. S.15-31. (in Russian)
36. SHnirel'man V. A. Hazarskij mif: ideologiya politicheskogo radikalizma v Rossii i ee istoki. M. Ierusalim: Mosty kul'tury, Gesharim, 2012. 312 s. (in Russian)
37. Karlov, V. V. (1998) Anthropology and Archeology of Eurasia.The idea of Eurasianism and Russian nationalism. 36(4), s. 32-50. (in Russian)

38. Mazurek, S. (2002) Russian Eurasianism - Historiosophy and ideology. *Studies in East European Thought*. 54(1-2), s. 105-123. (in English)
39. O'Loughlin, J. (2001) Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era. *Geopolitics*. 6(3), s. 17-48. (in English)
40. Shlapentokh, D. V. (1997) Eurasianism: Past and present. *Communist and Post-Communist Studies*. 30(2), s. 129-151. (in English)
41. Smith, G. (1999) The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 24(4), s. 481-494. (in English)

Поступила в редакцию 20.10.2021 г.